Август щедро обдавал теплом, но солнце уже не обжигало, как недавно в июле. Бабушка и её десятилетняя внучка не спеша шли по аллее парка, густо усаженной с обеих сторон свечкообразными берёзами и разросшимися между ними кустами сирени. Внучка, с удовольствием вслушиваясь в доносящиеся издалека весёлые ребячьи голоса и предвкушая скорое катание на каруселях, незаметно для себя ускоряла шаги. «Мороженое, кому мороженое!» – раздалось совсем близко, за кустами. Бабушка присела на скамейку, вынула кошелёк:

– Сбегай, внученька, за мороженым. Мне, если есть, фруктовое.

Внучка мигом метнулась напрямки на соседнюю аллею и вскоре вернулась с двумя брикетами в руках:

– Только такое было – пломбир, но зато с изюмчиком!

Бабушка сняла обёртку.

– Зачем ты её сразу всю содрала?

– А как надо?

– Понемногу снимать, чтобы не окапаться.

– Ну да, ну да. Не сообразила. Теперь уж не оденешь. На-ка, выбрось в урну.

Бабушка откусила маленький кусочек, с удовольствием прижмурила глаза и заоправдывалась:

– Это я по старой привычке.

Внучка, уже успевшая вымазать язык и губы в сладкой белизне, с интересом смотрела на бабку.

– В наше время мороженое не так продавалось. Берёт продавец пустой вафельный стаканчик, из большо-о-ого ведра накладывает мороженое – и на весы, чтоб, значит, точно отвесить. И никакой тебе бумаги – бери и ешь. – И словно лицом просветлела:

–Я так вот, на скамеечке этой, и ждала свой стаканчик...

– Как на этой?

– Прямо на этой, внученька. Они, скамейки-то эти, навечно ногами своими в бетон закованы. Видишь, боковины и спинки у них чугунные, резные – старинные, а доски, те меняют, конечно, со временем.

Внучка с интересом вгляделась в чугунное литьё. Оно и вправду было старинным, тяжёлым, с лёгкими, выточенными временем щербинками, но красивым до сих пор.

– А с кем ты тут сидела и кто тебе сюда мороженое приносил?

– Не догадываешься? Дед твой и приносил. Эта скамейка, вторая от края, наша с ним была. Здесь мы и поджидали друг друга по воскресеньям. Кто первым прибежит – тот и дожидается другого. И берёзки эти на молодёжном субботнике мы сами сажали. Помнится, их целую машину из леса привезли, тоненьких, с тебя ростом, а вон какие вымахали – солнышко заслоняют.

– Вы что, только по воскресеньям с дедом встречались?

– Так после войны работали много, допоздна, не до встреч частых и было.

Шло время. В парке открывали памятник погибшим в Афганистане воинам-интернационалистам. Девочка, уже подросток, пришла на открытие вместе с мамой. Они просто не могли там не быть: её отец – офицер, не вернулся оттуда...

Когда отгремели речи и фанфары, они направились к выходу, но вдруг мать повернула к крайней аллее:

–Давай ещё чуточку погуляем. Денёк-то выдался на диво! – И грустно улыбнулась: – Я тебе что-то покажу.

Они вошли в аллею, усаженную берёзами и сиренью, и девочка, обогнав мать, с разбегу опустилась на вторую скамейку:

– Эта твоя?

Мать удивлённо смотрела на дочь:

– Откуда?..

– Бабуля мне о ней давно уж рассказала!

– И о нас с папой?

Девочка отрицательно качнула головой. В горле, так же как недавно около памятника, колюче заворочался комок...

Прошло ещё несколько лет. Девочка превратилась в прелестную юную особу. Она оканчивала школу, и впереди у неё маячило то страшное, что без дрожи и произносить не получалось, – выпускные экзамены. А весна удивлённо и радостно смотрела отовсюду цветочными глазами и пахла свежестью, молодостью и жизнью! А ещё – мечтами.

Девочка мечтала о медицинском. Она обязательно станет военврачом и будет спасать военных, ведь если бы тогда, в далёком и страшном Афгане, папе вовремя оказали медицинскую помощь, он, возможно, и выжил бы...

Теперь она часто приходила в парк, чтобы на свежем воздухе готовиться к экзаменам, пробиралась на маленькую полянку, обнаруженную ею случайно в зарослях сирени, расстилала прихваченный из дома бабушкин самодельный коврик, жадно вслушивалась и всматривалась в ароматно-будоражащее пространство вокруг. О чём думалось в эти минуты, она позднее не смогла бы отчётливо вспомнить: ей просто было безмятежно, тиховолнующе и хорошо здесь. Учебники чаще всего так и оставались неоткрытыми...

Однажды, направляясь домой по крайней аллее, она увидела на их скамейке... его, Игоря из параллельного класса, спокойного парня с такой необыкновенной глубокой синевой во взгляде, от которой она почему-то каждый раз в смущении опускала глаза и старалась поскорей улизнуть.

– Привет! – он поприветствовал её первым.

– Здравствуй, Игорь,– она остановилась около него. – Ты что тут делаешь?

– Наверное, то же, что и ты, – заметив в руках девушки учебник по литературе, усмехнулся он, – пробую готовиться, да только ничего не выходит. Почему-то.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались, как два заговорщика, отлично понимающих, о чём идёт речь.

– У вас первым устным экзаменом поставлена...

– Литература.

– А у нас – химия. А я в ней – как...

– Это ж так легко и интересно!

– Сказанула! Вот физика или геометрия – это да! А по химии... я чувствую, что нахимичу. А она мне и не нужна вовсе: я ж в военное собрался, в танковое.

Сердечко девушки мгновенно скакнуло куда-то к самому подбородку.

– Мой папа оканчивал это училище. – И вдруг твёрдо добавила: – Приходи завтра к десяти и подготовь вопросы, в которых плаваешь, я тебе помогу разобраться.

– Спасибо, конечно, но как-то неожиданно, как будто я напросился.

– Нормально! Приходи!

Испугавшись, что он может отказаться, она сорвалась с места и на ходу ещё раз крикнула:

– Приходи!

– Так куда приходить-то?

– Вот на эту скамейку и приходи!